вым, Петровым, превращая внешне стандартное сочетание в индивидуальное.[49]

Собственные имена в XVIII в. рифмовали достаточно часто и до Муравьева, например (имена и образцы рифм даю выборочно): *наглом—Павлом* (Тредиаковский), *сана—Феофана, щит—Тит, сатира—Кантемира, узы—де ла Сюзы, меры—Лекувреры, готовой—Львовой, Лафон—препон, к Пекину—покину* (Сумароков), *в уменьи—Евгений, Гишпаньи—во брани* (В. Майков) и т. д. Однако решительно доминировали канонические сочетания с именами Петра, Анны, Елисаветы, Екатерины, Марии, Иоанна, Алексея и др., Сципиона, Ганнибала, Ахиллеса, Улисса, Аристида, Алкивиада и т. п.

Муравьев отказался от стандартных канонических наборов рифм вообще, и сочетания с собственными именами получили у него новую структурную функцию одного из определяющих признаков свободной, индивидуализированной манеры рифмовки. Еще более широко пользуется рифмовкой собственных имен Державин, у которого они входят в состав и усечений, и ассонансов, и отсечений, и точных рифм: *Пламида—вида, Титы—забыты, Периклы—титлы, росс—Буароз, в потомки—Потемкин* (эту же рифму, впоследствии использованную Маяковским, находим у В. Рубана), *Милушка—игрушка, Храповицкой—киргизской, дед—Филарет, Рашет—найдет, сопостатов—*

---

[49] Колоссальное количество собственных имен и названий в рифмах Муравьева полностью опровергает концепцию В. В. Кожинова, который утверждает, что для XVIII в «сама способность найти естественные созвучия для имен была. . чем-то безусловно замечательным, даже с оттенком чудесного», поскольку «в „официальном" стихотворчестве лишь поэты-каламбуристы 1860-х годов (поэты „Искры" и „Свистка") начали широко рифмовать собственные имена; и это воспринималось как высокая степень словесного мастерства И, собственно, только Маяковский достиг в этом отношении подлинной свободы» (В В. Кожинов. Художественная речь как форма искусства слова. В сб.: Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Изд. «Наука», М., 1965, стр. 287). По проблемам психологии читателей 60-х годов XIX в. не спорю, ибо тогда поэзия XVIII в. могла быть забыта теми, кто не занимался историей и теорией литературы специально. Но думаю, что даже читатели имели некоторое представление о пушкинских рифмах *Татьяна—романа, Евгений—тени, он—Агафон, Гильо—белье, Трике—колпаке, уверен—Каверин* и сотнях других.

Замечу кстати, что в той же коллективной «Теории литературы» другой автор, строя концепцию развития русской лирики и говоря об «открытиях», «недоступных» державинской эпохе, в подтверждение приводит суждение М. Н. Муравьева, зачисляя его в последователи Жуковского (М. М. Гиршман. Стихотворная речь. См. стр. 347—348 названного труда). К такого рода хронологическим инверсиям можно отнестись только юмористически. Но какова научная ценность «концепций», зиждущихся на подобных основаниях?